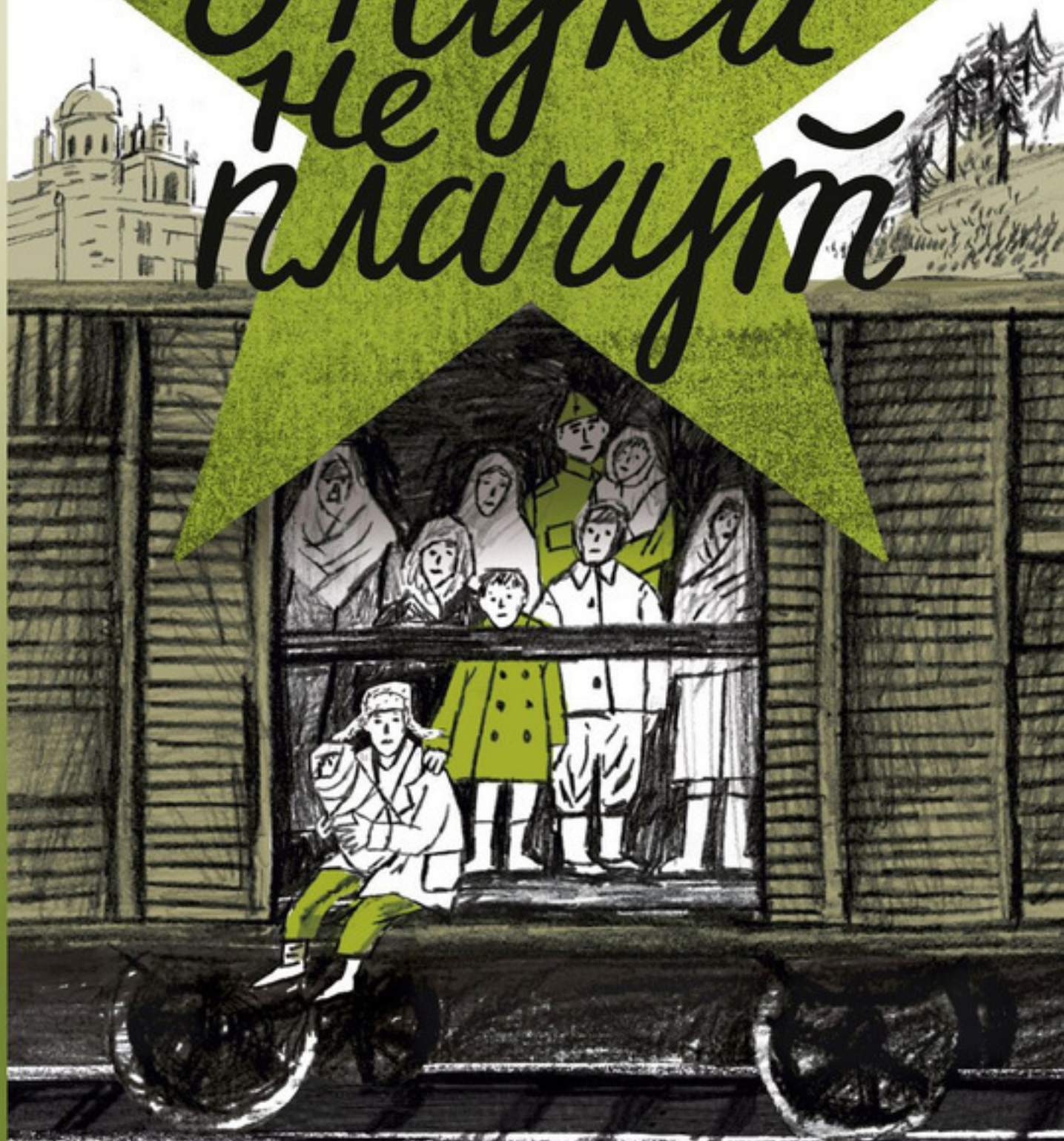

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СКАЗКИ

Юлия Яковлева

Нужки не плачут

Ленинградские сказки

Юлия Яковлева

Жуки не плачут

«Самокат»

2018

Яковлева Ю.

Жуки не плачут / Ю. Яковлева — «Самокат»,
2018 — (Ленинградские сказки)

ISBN 978-5-91759-669-3

Вырвавшиеся из блокадного Ленинграда Шурка, Бобка и Таня снова разлучены, но живы и точно знают это — они уже научились чувствовать, как бьются сердца близких за сотни километров от них. Война же в слепом своем безумии не щадит никого: ни взрослых, ни маленьких, ни тех, кто на передовой, ни тех, кто за Уралом, ни кошек, ни лошадей, ни деревья, ни птиц. С этой глупой войной все ужасно запуталось, и теперь, чтобы ее прогнать, пора браться за самое действенное оружие — раз люди и бомбы могут так мало, самое время пустить сказочный заговор. «Жуки не плачут» — третья из пяти книг цикла «Ленинградские сказки». Первая, «Дети ворона», была названа главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошла в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна», попала в международный список «Белые вороны» — среди лучших 200 книг из 60 стран, а также выиграла IN OTHER WORDS крупнейшего британского фонда поддержки детской литературы BOOK TRUST. Вторая книга цикла — «Краденый город» — попала в лонг-лист премии им. В. Крапивина в 2017 году.

ISBN 978-5-91759-669-3

© Яковлева Ю., 2018

© Самокат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Яковлева

Жуки не плачут

Глава 1

Крик ткнул между лопаток.

– Шапка! Эй, Шапка!

Голос у Бурмистрова был гадкий, как у взрослого. Пах табаком и таким, что лучше не знать. Следом ударил гогот.

– У тебя там под шапкой что, рога? – начал обычную программу Бурмистров. – Давай, сними, покажи разик.

– Идем быстрее, – попросил Бобка. Хотя Шурка и так прибавил шаг.

– Ты что, лысый?

Слышно было, что шаги позади тоже зашаркали, застучали чаще.

Мимо летели назад низенькие деревянные дома, приподнимали свои кудрявые резные брови. В окна глядели безразлично коты и герань.

– Не беги, – шепнул Шурка. И опять дернул Бобку за руку. – Не гляди на них.

Главное правило ленинградской драки: не показывай, что ты – еда.

В Репейске оно тоже годилось.

– Не оборачивайся.

Потянулся мимо зеленый дым палисадника. В нем еще можно было пересчитать черные стволы. Еще можно разглядеть в кронах черные колючие комочки – птичьи гнезда. Но некогда.

Бобка спиной слушал шаги. Ноги сами просились в бег.

– Шапка! Зачем тебе шапка? Дай шапку поносить, – кривлялся Бурмистров.

– Не даст. Уймись уже, – раздался голос. Насмешливый и слегка усталый.

По голосу – мальчик. Дети так не разговаривают, удивился Бобка; преследователи, похоже, тоже. Лопот шагов наткнулся на эти слова, как на стеклянный щит.

– Че-го-о? – потянул Бурмистров.

Шурка велел не глядеть, поэтому Бобка успел заметить только аккуратно расчесанные кудрявые волосы – пробор будто начерчен.

– Тебя что, корова лизала? – показал пальцем Бурмистров. Аккуратный пробор удивил и его. Бобка понадеялся, что отвлек от них. Но нет.

– Пусть он шапку снимет, – запищал Бурмистров, изображая маленького. Как ножом по стеклу. У Бобки мороз продрал по коже.

– Дай шапку, – хныкал Бурмистров. – У меня уши мерзнут.

– Тебе не надо, – спокойно оборвал незнакомый мальчик. – А ему нужна. Она от блеска его мыслей защищает глаза простых смертных, имбецил.

Бурмистров ничего не понял.

Свита загоготала, хотя тоже не поняла ничего.

Последнее слово было таким богатым, что Бобка его даже не запомнил. Из древнегреческих мифов, наверное, что-то вроде Ахилла. Мифы Бобке нравились. Бурмистрову, наверное, тоже. Он отстал.

Уж Ахилла-то Бурмистров наверняка знал. Он в каждом классе сидел по два года.

Свернули за угол. Здесь уже было полно прохожих. Поблизости шумел рынок. Громы-хали телеги.

Мимо простукала палочкой старуха. Яркая черная тень повторяла все движения: день был пыльный, солнечный, теплый. Старуха покосилась на Шуркину шапку. Но не сказала ничего. У самой на голове какая-то фетровая кастрюля. А прохожие подставляли солнцу темечки, косы, лысины, банты. Бобка чувствовал макушкой его невесомую горячую ладонь. Ветер шевелил волосы на затылке – все не мог решить, как уложить. Шапка торчала как обгорелый пенёк. Бобке вдруг стало стыдно за брата. Чего он, в самом деле? Но Шурка заговорил сам:

– Видишь. Я же тебе говорил. Это как с бродячими собаками.

Шаги обоих опять дышали ровно и мерно, коты в окнах казались фарфоровыми. Голос у брата был спокойный.

– Главное – не оборачиваться. Не останавливаться. Не смотреть им в глаза.

– Дак а письмо-то старое, – удивилась Луша, работая локтями.

Письмо и правда было давним. Снег тогда еще был молодым и сильным. С тех пор писем от Вали большого не было.

Из-под красных Лушиных рук ползла мыльная пена. Как снег, что остался только в грязных кучах, которые таяли к началу лета.

– Ну и что, – не отставал Бобка.

Писал Валя большой все равно интересно. Про войну, про окопы, про пушки, про лошадей, про полевую кухню, про старшину Бородина, про командира Кольцова, про много всего разного.

Из выдвинутого ящика комода мелькали красные ручки. Валя маленький проснулся, но не заорал, как обычно, – приглашал поиграть. Бобка даже не глядел.

Казалось, он пялится на поверхность стола. Старого, чисто выскобленного. И совершенно пустого.

Нет, не пустого. Рожа была та еще. Глазки-шарики. Рот не рот, а пилочки с зубчиками. Щеки и лоб как щитки. Вот бы сюда настоящее увеличительное стекло! Лупу с ручкой, как у Шерлока Холмса. А так все, что он знал с научной точностью, это что длина жука – полтора сантиметра с хвостиком. Маленькие деления означали миллиметры, но миллиметры в первом классе еще не проходили.

Он преградил жуку дорогу линейкой. Жук стукнулся твердым лбом, не смутился – тотчас развернул антенны и шустро побежал в другую сторону.

Бобка чувствовал, просто уверен был, что все эти щитки: на спинке, на брюшке, на лбу и щеках, все эти крепкие наколенники, твердые лапки, усы-антенны, полтора сантиметра – все это еще не весь жук. В жизни и строении жука оставалось еще немало подробностей и загадок, которые не брало человеческое око.

Бобка вынул из кармана мишкин глаз. Поднес к своему. Посмотрел через желтоватое, чуть обожженное с краю выпуклое стекло на изменившегося жука.

Некоторое время слышалось только, как чавкает и чмокает вода в тазу.

Убрал глаз.

– Ну почитай, – опять загудел Бобка.

– Дак уж наизусть его, поди, выучил. Письмо-то.

Луша крутила из простыни веревку. С нее лилась вода.

– Ну и что.

Жук снова толкнулся сухим лобиком в линейку и побежал в другую сторону.

– А стирать кто будет?

Луша вытянула из кучи на полу следующую простынь, утопила в горячей пене и принялась ее пытаться, мучить.

Луша стирала всем, кто мог ей за это заплатить.

– Ты, што ль?

Бобка открыл рот. В сенях грохнуло, тяжело плеснуло. Что думал Бобка, осталось неизвестно, видно было только, что шевельнулись губы. Шурка боком, как краб, втащил ведра. Ноги у него были темные от пролитой воды.

Сдвинул шапку на затылок, почесал лоб: жарко.

Луша легко подняла ведро, опрокинула в кадку на печи. За ним другое. Струя казалась витым металлическим жгутом. Луша брякнула на пол пустое ведро.

– Давай шапку-то твою тоже постираю. – Она предлагала это с каждой стиркой. И всегда как бы невзначай.

Шурка мотнул подбородком.

– Не? – подняла брови Луша.

– Она не грязная.

Шапка была такая, что сложно было определить ее цвет. Серо-черно-сально-бурый.

– Как скажешь. – И на этот раз не стала спорить.

Шурка сел за стол.

Луша еще немного потеряла об ребристую доску простынь. Страхнула с рук пену. Открыла заслонку, сунула полено печке в круглый ротик. Потом еще. Еще. Ротик выглядел удивленным: весной печку так не кормили. А потом жадно набросился на еду.

– Фух, – сказал Бобка. – Жарко.

Луша будто не слышала. Летели из-под рук клочья пены. Работала ротиком печка. Шурка молчал. Шапка наливалась жаром. Казалась тяжелой, горячей, мокрой.

«Пех-пех-пех», – донеслось из ящика. Предупреждающее кряхтение, потом разверзлся крик, от которого Валя маленький делался красным. Крик мог значить что угодно: еда, покакал, мокрый, спать, ко мне или все это сразу. Сейчас он значил одно: жарко.

Только жуку, сухому и твердому, было хорошо: в комнате вдруг настало лето.

– Письмо-то читать будем? – Луша отряхнула руки. Как будто забыла, что сама только что говорила: старое же, выучили давно.

– Будем! Будем! – обрадовался Бобка. Столкнул жука линейкой на пол. Тот упал с сухим стуком и тут же дал деру.

Луша обтерла руки. Проверила печь. Подкормила еще. На лбу ее, над губой выступили капельки пота.

Шурка глянул на Лушу. Она делала вид, что не смотрит на него. Лоб под шапкой зудел все сильнее. Печка радостно уплетала поленья. Они потрескивали.

Луша подошла к комоду.

Наклонилась над ящиком. Сняла одеяло. Осторожно вытащила тоненькие руки из распашонки. Валя большой ушел на фронт и не успел сделать сыну кроватку. Он вообще не знал, сын у него будет или дочь. Потому и решили они с Лушей назвать младенца Валею – годится и девочке, и мальчику. Пех-пех-пех заглохло. Теперь тепло Вале нравилось, он трогал его всем своим голеньким телом.

Луша открыла шкатулку рядом с фотографией Вали большого. Взяла верхнее письмо.

По Шуркиному лбу соскользнула капля пота. На темени, казалось, можно было печь картошку.

«Молчит, гад», – с жалостью подумала Луша. Вздохнула.

– «Милые мои Луша и Валечка», – начала читать. Бобка затаил дыхание, перестал болтать ногами. Под мышками у него была Африка.

– Шур, тебе не жарко?

– Нет.

– А мне что-то холодно, – почти обрадовалась Луша.

– Холодно? – поразился Бобка.

– Ага. Еще-ка подкину.

Печка удивилась. Но дрова взяла. Луша вернулась на место. Села на стул. Взяла лист.

– «Скоро прогоним мы проклятого врага с нашей земли. Наш Валечка будет жить в мире. Как все советские дети».

А печка дышала все жарче.

– «У нас затишье», – читала с выражением Луша.

Ножки перестали мелькать – Валя маленький уснул.

– «Хорошо смотреть на березки в инее и представлять, как они покроются листьями».

Печка лопала во все щеки. Воздух уже казался огненным. Голос Луши закачался, поплыл. Закачалась и поплыла комната с бревенчатыми стенами.

– Шура, ты куда?

– Я, это, дров еще принесу! – крикнул уже в дверях. И выкатился вон.

Дохнуло свежестью.

Шурка вытер лоб. Почесал под шапкой.

Там, в Ленинграде, где на улицах стыли горы снега, сосульки висели саблями, а по стенам комнаты полз иней, он научился в шапке есть, спать, жить. Он и блокаду себе представлял так – в виде шапки, которая туго обхватывает голову.

Снимешь – а разучиться как?

Шурка сел на ступеньку. Весеннее солнце успело поработать над ней.

Город лежал внизу, как рассыпчатая каша на доньшке. Вроде все вперемешку, а в то же время каждое зернышко на виду. И лента из сахарного сиропа – река. Или это растопленное сливочное масло? К каше лучше масло, размечтался Шурка. Солнце пекло макушку. Таяли в небе облачка. Сливочные. Творожные.

Солнце добиралось до самого дна. Последний кусочек льда уже был похож на смыленное плоское мыльце, тоненькое и остренькое. Повернешься неосторожно – тут же вопьется в ребра. Словно крикнет: «Я здесь!»

Шурка прикрыл глаза. Подставил себя солнцу.

Чувствовал, как края его налились светом, жаром. Еще чуть-чуть – и он сам растает, сольется с облаками, птицами, травой. И тот зимний Ленинград – растает тоже.

– Эй ты! В шапке!

Шурка открыл глаза. Почтальонша смотрела на него снизу. К Лушиной избе дорожка карабкалась по холму, цепляясь за траву. Перед почтальоншей лежал последний подъем.

– Что расселся, как барин? Ты здесь живешь или не здесь?

В руке у нее белел треугольничек. Письмо!

Видно, тяжело ей с сумкой, пожалел Шурка. За день-то набегалась.

– Я сейчас! – крикнул, спускаясь. Колени едва поспевали за ступнями.

– Ты в шапке не мерзнешь-то? – уставилась почтальонша. Слишком усталая, чтобы удивляться.

– Не-а.

Лицо почтальонши вдруг показалось Шурке каким-то мятым. Словно она сама никак не могла собрать черты.

– Вот. Лушке. Передай, – выдавила.

Протянула поспешно руку. Ткнула письмо. И спросила запоздало – письмо-то уже отдала:

– А ты кто такой, в шапке-то? Родственничек? Что-то я тебя тут раньше не видела.

Точно. Последнее письмо от Вали большого пришло до того, как Луша взяла их себе.

– Эвакуированный.

Лицо у почтальонши дернулось.

– Вакуированный... Лушка-то добрая, – чуть не плаксиво выкрикнула она. – Свой рот кормить. Дак еще вакуированных взяла. Добрая-то, а толку?

Отвернулась.

– Ишь. Смотри, без обману, вакуированный. Ты смотри! Я потом спрошу, проверю! – пригрозила она уже на ходу, не показывая лица. Голос жалкий.

Странная. Наверное, просто устала.

Шурка подождал, пока ее спина удалится.

Посмотрел на свернутый треугольник. Обрадовался. Военные письма в конверты не клали.

И быстрее, чем мамин голос в голове успел одернуть: «Чужие письма не читают», треугольник зашуршал и развернулся. «Она же нам все потом все равно вслух прочтет», – успокоил Шурка мамин голос. Луша читала так часто, что всех, о ком писал Валя большой, Шурка уже знал, будто своих друзей. Значит, можно.

Ровные печатные буквы стояли вперемежку с фиолетовой путаницей, вписанной от руки.

«Гр-ке», – начиналось письмо.

Шурка испугался. Колени стали мягкими. Не Луше. Гырке какой-то. «Ошибка, – хотел он крикнуть почтальонше, – вернитесь!»

А письмо уже бормотало, как регистраторша, которая заполняет карточку. «Ваш сын, муж, брат, звание», – перечисляли серенькие мелкие строчки. «Фамилия, имя, отчество».

Сердце билось в шее. Шурка сглотнул. Уставился на чернильный серпантин. Но видел только фиолетовые крючки и петли. Зато понял и помятое лицо почтальонши, и скомканный голос.

А печатные буковки были такие ясные, яснее некуда. Так и лупили по голове, каждая как молоточек: «Находясь на фронте, пропал без вести».

И большие молотки:

ЛИНИЯ ОБРЫВА.

Этот обрыв перепугал Шурку больше всего. С какого обрыва?

Он посмотрел еще раз. Нет. Не обрыва. Линия отрыва. Теперь понятно. Еще страшней. Оторвали. У Луши оторвали мужа. Оторвали папу у Вали маленького.

«Там же не написали: ваш папа», – металась Шуркины мысли. Может, ошибка? Да нет же. Они же не знали, что родился Валя маленький. А почему тогда сын и брат? При чем здесь сын и брат?

– Шурка! – закричал с крыльца Лушин голос, беззаботный. – Дрова-то где?

Мысли Шурки тотчас посыпались мелкой крошкой. Но рука сама знала, что делать.

– Сейчас! – крикнул.

– Ты чего? – удивилась Луша. Отметила: глаза на мокром месте.

– Упал, – ответил еле слышно Шурка.

Не надо было это, с дровами, с досадой на себя подумала Луша. Ну шапка, ну чего? Пусть. Ничего. Оттает.

– Упал, – повторил он. – Но вы не волнуйтесь.

Письмо лежало за пазухой. Шурка едва дышал, чтобы не потревожить его, как ядовитую гадину. А Луша смотрела, смотрела. Наконец сказала:

– Ты это, ничего. Отыщется сеструха ваша.

Шурка вздрогнул, отвернулся. Луша убедилась в собственной догадке. Вдохнула:

– Вот кончится война, все по домам разойдутся, вы вернетесь. И сеструха тоже. Встретитесь.

Шурка не ответил.

– Идем в дом, – сказала Луша. – Обед на столе.

Он послушно поплелся. Вдруг догнала мысль: «А ведь я привык, что Тани нет». Тут же поправил себя: «С нами нет». Но стало еще хуже.

Он сел за стол.

– Ты что, ревел? – удивился Бобка.

Шурка возил ложкой в миске, думал о своем.

Что значит: пропал без вести? Человек ведь, не пять копеек. Как пропал, так и найдется. Волновать людей нечего, быстро пообещал он себе.

И Таня, конечно, найдется тоже.

Глава 2

Луша стукнула окно наружу. Прочитанное письмо Вали большого тут же взлетело и соскользнуло на пол, Бобка скатился со стула – ловить. Белая занавеска замахала руками ему вслед. Валя большой без улыбки смотрел из деревянной рамки на катавасию.

– Фух, – сказала Луша, – жарко. – Посмотрела на Шурку, поправилась: – Теперь жарко. А тогда было холодно.

И за два уха поволокла кастрюлю. В своем ящике ахал и постанывал во сне Валя маленький.

Бобка опять вынул из кармана мишкин глаз, приставил к своему. Изучил стены. Стал глядеть в окно – на желтое небо, оранжевый забор, карамельные деревья. С одного края мишкин глаз был обожжен, оплавился; давно еще – когда мишка сгорел в печке в Ленинграде. Бобка привык, что мир был таким – подтаявшим с одного края.

– Почтальонша приходила?

– Нет, – ответил Бобка, не отнимая глаз. Он торчал в окне по пояс.

– Да, – ответил Шурка.

Луша глянула поочередно на обоих:

– Да или нет?

– Мимо прошла, – пояснил Шурка.

«Линия отрыва, – думал он. – У самих точных сведений нет, а пишут. Людей зря пугают. Самих бы их с этого отрыва». Лиловенькая печать, как круглый зубастый ротик, через карман рубашки сосала самое сердце.

– Что-то давно от дяди Вали новенького нет, – заметил Бобка, втягиваясь обратно в комнату. Шурке захотелось его придушить.

– Он же воюет, Бобка, ты что? – осадил брата. – Некогда ему.

А сам мрачно подумал: дурак, вот ляпнул тоже – некогда! В последнем письме березки-то были еще в инее, а весна уже и сюда добралась. Перелезла через Уральские горы, разжала руки и упала на Репейск огромным жарким кулем.

Луша, к счастью, не услышала: стояла у окна. И не сводила глаз с чего-то.

Вернее, с кого-то.

– Добрый денек, – продребезжал снаружи голос.

– День-то добрый, а ты топай своей дорогой, – нелюбезно ответила Луша.

– Там кто? – удивился Бобка. Так Луша еще не разговаривала.

– Какую еще пуговку? Топай отсюда.

Шурка поднял голову от тарелки, от своих невеселых мыслей. Он не слышал, что сказала Луша. Но узнал этот сыроватый запах. Он поднимался сейчас от самого дна ее голоса. Запах страха.

Видно, Валя маленький тоже его почувствовал.

«Пех-пех-пех», – беспокойно донеслось из ящика. Луша обернулась на комод, умолкла. Ждала, пока сон Вали схватится.

«Неужели Луша тоже боится?» – с болью подумал Шурка. Чужих глаз в открытом окне. Чужих ушей в стене.

Луша убедилась, что в комодке опасность миновала. Обернулась в окно:

– Чеши-чеши отсюдова, говорю.

– Да что ты всё «чеши» да «чеши». Кот я тебе, что ли, чесаться?

– Топай, говорю, Игнат!

Луша забыла говорить шепотом. «Пех-пех-пех», – снова заработал маленький моторчик.

– Нет здесь для тебя ничего! И быть не может.

Валя маленький дал мотору набрать обороты.

– Да и я думал, что нет. А только вот шел мимо, глядь, а...

Окончательно очнувшись, младенец заорал – как будто проснулся не в своей постельке, а в пруду с голодными крокодилами.

Луша захлопнула окно, крутанула задвижку, дернула вместе занавески. Обернулась – две пары удивленных глаз встретили ее.

– А-а-а, – орал Валя из ящика комода.

– Тыфу, – Луша бросилась к комоду, – чтоб у него зенки повылазили. Разбудил, холера. Разбудил моего гусоньку, – заворковала она совсем другим тоном.

– Кто там был? – поинтересовался Бобка.

Луша вынула Вальку из ящика.

– Шастают. Всякие. – И торопливо прибавила: – Всё, теперь у меня руки заняты. Шурка, деньги возьмешь...

Она кивнула подбородком в сторону комода. Но Шурка всё уже понял.

– Я сбегаяю! – Он отложил ложку.

– Да что ты сорвался-то? Доешь, пока горячее.

– Сытый!

От лиловенькой гадины надо было избавиться, чтобы никто больше ее не видел. Никто и никогда.

– Я с тобой, – увязался Бобка.

– Обойдусь.

– Я с тобой!

– Ты копаешься.

– Я уже одет!

– Да не бегите! Доешьте! Куда? – крикнула Луша уже в сени.

Глава 3

– Стой здесь, – приказал Шурка.

– Я с тобой.

– Еще чего! Так до вечера будем эту картошку покупать.

Можно подумать, большое дело. За раз всегда покупали три картофелины, ни одной больше, – Луше, Шурке и Бобке. Свои припасы у Луши давно кончились: два лишних рта расправились с ними быстро. Хорошо хоть Вале маленькому человеческой еды пока не полагалось.

– Стой, сказал.

Бобка надулся: раскомандовался тут.

Шурка, видно, заметил гримасу, потому что объяснил:

– Затопчут, затолкают, потеряешься – как потом тебя найду?

– Да понял, понял, – буркнул Бобка.

Шурка быстро ввинтился в толпу, будто его всосало.

Толкались на рынке и правда здорово. Каждый, кто сюда входил, невольно менял шаг: вместо взад-вперед – влево-вправо, раскачиваясь всем телом. Как будто главное было не дойти куда-то, а толкнуть по пути побольше народа. Поэтому рынок и назывался толкучкой, сделал вывод Бобка.

Стояли только те, кто держал в руках что-нибудь ненужное: примус, ношеную юбку, кусок ткани или бутылку с чем-нибудь невкусным. Если кто-то продавал вкусное, например картошку или мед, тотчас выстраивалась колючая, нетерпеливо-озабоченная очередь.

Человек в кепке поодаль продавал как раз мед.

– Мед наш, сибирский. Лесной. Калория к калории. Каждый витамин на месте, – нахваливал он.

Ни к чему – очередь и без похвал выстроилась.

А брали как нехотя:

– Мне одну ложку.

– Мне ложку без горочки.

– Две ложки.

В очереди не видно было, кто местный, а кто эвакуированный. Раньше было видно, глазел и думал Бобка: одни граждане были одеты как в Ленинграде, а может, и Москве, а другие – по погоде. Теперь же на всех было того и другого почти поровну: теплые платки и лакированные туфельки, бархатные шляпки и толстые носки. Как будто приезжие вещи сами вылезли из чемоданов и узлов и разбрелись по городку, перебрались в чужие сундуки и шкафы.

– Почему? Уж больно дорого у вас, – скривилась женщина. – За такие деньги в Киеве...

Продавец и ухом не повел.

– Не нравится – не бери. – Очередь тут же огрызнулась за него, сжалась плотнее. А Бобка посочувствовал: у него денег тоже не было. Ни на с горочкой, ни без. Над рынком висел ровный громкий гул множества голосов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.